

Кукольник Нестор Васильевич

Новый год

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н56

Н56 **Нестор Васильевич К.**
Новый год / Кукольник Нестор Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2022. –
42 с.

ISBN 978-5-519-91679-0

ISBN 978-5-519-91679-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Что ты это, Александръ Ивановичъ, противъ милости упрямился? спросилъ Государь.

Солдатъ повторилъ свою просьбу.

— Правъ Давилычъ! отвѣчалъ Государь. Глупая ты голова, Изъ солдатъ дай Богъ до капитана дотянуть, а изъ деньщиковъ*) и до генерала недалече. Ступай; только усердно да исправно служи, генераломъ сдѣлаю.

— Стыдно тебѣ, Государь, бѣднаго дворянина въ дураки сажать. Ну, статное ли дѣло, чтобы Сашкѣ, сыну дворянина, у которой приданаго три угла въ трехъ крестьянскихъ домахъ, а у отца огородъ въ десятину, генераломъ быть!

— Да въ чьихъ рукахъ генеральство? спросилъ Государь.

— Въ Божьихъ.

— Какъ въ Божьихъ?

— Да если Богъ не пошлетъ солдату пушеу взять—такъ не быть ему капраломъ, а и по-давнему сержантомъ; а не попустить у Турки знамя съ древка сорвать, такъ не быть ему и офицеромъ; а не дать ему города, не дать и капитанскаго чина; безъ большой побѣды и самъ Царь его генераломъ не сдѣлаетъ.

— Умная ты голова, да царскаго дѣла не знаешь.

— Вѣстимо, не знаю, не мое дѣло.

— Ну, такъ слушай. Быть тебѣ генераломъ за службу: не изъ милости али прихоти, а за добрыя и честныя заслуги.

— Вотъ такъ, пожалуй! Идетъ.

— Такъ ступай-же на службу безъ очереди.

— На первыхъ порахъ учи, Государь; а тамъ и самъ съ помощью Божіей, смѣну,

*) Деньщиками назывались у Петра Великаго особые довѣренные люди испытанной преданности, которые поочередно дежурили при немъ и исполняли его порученія. Это было то же, что нынѣ свита Государя.

II.

Служба.

Тяжкую службу понесъ Александръ Ивановичъ! Съ утра до вечера при Государѣ, безъ очереди; ночью вставай, подавай доску и грифель: Государь что-то новое придумалъ; по утру сходи въ таковой приказъ да развѣдай про плутовство подъячаго, да наобумъ, ради выслуги, не доноси, а узнай, докладно, чтобы Государя въ обманъ не ввести. А Царь—земной Богъ на Руси: второй разъ послѣ Бога людей творить. Былъ Данилычъ потѣшный солдатъ: надо, за умъ, смѣтку, изъ него думнаго боярина сдѣлать; тутъ простой нѣмецъ подвернулся, Государь взглянулъ въ душу и смѣянулъ: быть ему храбрымъ воеводой; тамъ въ лавкѣ сидѣльщика встрѣтилъ; «знаю, знаю, говоритъ Государь, знатный будетъ посолъ». На то царское дѣло: людей искать, да на иску людей попадать, чтобы разумомъ и волею были богаты, царскому дѣлу помогать охочи. Ступай, Александръ Ивановичъ, старый бояринъ спѣсивится, скажи ему горькую правду, а нужно,—бороду сними!—Тамъ старый рубль чванится, ходить по міру да хвастаетъ, что ему, рублю, за сто лѣтъ. Поди, Александръ Ивановичъ, старый рубль свѣсь; старъ-то онъ старъ да рублевого вѣса въ немъ не хватаетъ; лѣтъ много, серебра мало. А тамъ въ полку невзгода, зеленымъ сукномъ конницу, вмѣсто синяго, бояринъ обидѣлъ: разныи, что боярину на умъ пришло государевъ указъ оборачивать?.. А тамъ цесарскій посолъ пріѣхалъ... Поди, Александръ Ивановичъ, озаботься, чтобы для посла избу вымели, полови повѣсили, ковры подостлали, стражу поставили, бочку стараго меда, да бочку добраго пива, да заморскихъ винъ малую толику къ послу на погребъ втащили; да присмотри за всѣмъ своими глазами. На то ты царскій ближній деньщикъ, не подень-

щикъ. Царскій трудъ — твой трудъ. Царское веселіе — твое веселіе... — Что безъ работы сидишь? Вотъ тебѣ клееная бумага, вотъ тебѣ порохъ: ракеты и бураки дѣлай. Скоро новый годъ, сентябрь на носу. Государь огнемъ тѣшить и себя и православныхъ будетъ...

— Государь пріѣхалъ, въ рабочую пошелъ, бумаги привезъ. Ступай Александръ Ивановичъ, читать да писать: на то тебя отецъ и мать грамотѣ учили... — И умное слово Царю любовно. Видишь, слушаетъ; а тамъ гляди, и послушался, и по твоему писать велитъ отповѣдь думѣ царской.. — Пришелъ и Лефортъ, и Головинъ, и Гордопъ... Александръ Ивановичъ и ну служить: часы завелъ; то и дѣло луковицу свою вынимаетъ, въ часъ семь дѣлъ дѣлаетъ, въ день годъ служить; до того дошелъ, что Государь глазкомъ мигнетъ, а у Александра Ивановича ужъ и дѣло на столѣ: знай подписывай!.. Стали бородатые бояре съ Александромъ Ивановичемъ разговаривать. Э, дѣти! подумалъ онъ: не велика въ рѣчахъ вашихъ честь послѣ царской рѣчи... — Стали бояре и поклониваться, а онъ только приговариваетъ про себя: «пониже пониже! Не мнѣ вы кланяетесь, а милости царской!» Стали и челобитчики — проселками къ нему заходить: то шубку соболѣю подъ полою занесутъ, то посудину серебряную: а онъ за ухо выдеретъ, да въ сѣни и проводитъ, а Государю и не сказываетъ; зачѣмъ людей несчастныхъ еще больше несчастными дѣлать? Вѣдь съ подаркомъ не всегда идетъ виноватый; часто съ горя да бѣды, грѣхъ на умъ взойдетъ и правому. Александръ Ивановичъ подмѣтилъ, что правый въ такой соблазнъ лѣзетъ, когда судьи неправы, и Государю не говорилъ, а думалъ: «За такой грѣхъ челобитчика, съ судьей бы слѣдовало взыскивать»... Умный былъ Александръ Ивановичъ, и стала милость Государева въ нему больно велика, а онъ, бѣдняга, все деньщикомъ оставался. Пришло дѣло къ расчету.

III.

Марія Андреевна.

Громы, потрясіе Россію нравственно, уже раздались. Указъ за указомъ, по всеѣмъ концамъ разнороднаго и разнообразнаго царства, ломали дряхлую старину, и омертвѣлыя части стали оживать и сближаться. Богу единому на небесахъ, да единому на землѣ было извѣстно, что творится въ пятой части свѣта. Кругомъ тоска и смута. Даже приближенные нерѣдко качали головами, читая царскіе указы о рекрутскомъ наборѣ, о гербовой бумагѣ, о бородѣ, о путешествіяхъ и другіе, принадлежащіе къ этому времени. Но Александръ Ивановичъ не считаетъ себя въ-правѣ качать головою надъ тѣмъ, что было уже подписано державною рукою Преобразователя, и часто говорилъ сомнѣвающимся: «Не умничайте! Даромъ разумъ расходуете, лучше его сберегите на то, какъ бы получше исполнить, что указано».

И на долю Александра Ивановича достался день льготный, первый день сентября — первый день новаго года. Государь съ утра уѣхалъ съ Головинымъ въ Москву, къ боярину Шеину. Александръ Ивановичъ, тотчасъ послѣ отъѣзда Государева, вынулъ новый казенный мундиръ, который изъ милости спилъ ему Головинъ, бывшій незадолго предъ тѣмъ генераль-криминаль-комиссаромъ; тщательно почистилъ его царскою щеткою, вылощилъ ботфорты, и, одѣвшись какъ слѣдуетъ, по праздничному, отправился на Красную площадь. Народъ стоялъ въ глубокомъ уныніи, ожидая царскаго поѣзда изъ палатъ боярина Шеина въ Успенскій соборъ. Причинъ народнои скорби было много: тысячи родственниковъ изъ стрѣльцовъ погибли на плахахъ; тысячи въ темницахъ ожидали неминуемой казни; многіе изъ не стрѣльцовъ были соприкосновенны къ послѣднему стрѣ-

лецкому бунту, по родству, пріязни или глупости. Другая причина, едва-ли не сильнѣе прочихъ, огорчала глупый и невѣжественный народъ: война, объявленная бородамъ и старому платью, наводила паническій ужасъ; многіе держались за бороды, какъ-будто опасаясь, чтобы царскій шутъ въ тихомолку не подкараулился и не лишилъ ихъ сокровища. Наконецъ чернь на площади не видѣла двумѣстнаго трона для царя и патріарха, обыкновенной принадлежности перваго дня новаго года. Смѣсь ужаса и удивленія двигала волнами народа: то пестрыя волны черни приливались къ дому боярина Шеина, то вся толпа пятилась назадъ, при малѣйшемъ движеніи на дворъ боярина. Наконецъ раздались колокола, и народъ, безъ шапокъ, повалился на землю. На ногахъ остались только солдаты новыхъ полковъ, которые, не бывъ въ тотъ день на службѣ, пришли поглядѣть на празднество. Между старыми своими товарищами стоялъ и Александръ Ивановичъ.

Государь шелъ пѣшкомъ и велъ за руку шести-лѣтнаго сына; за нимъ шла царица Евдокія Ѳеодоровна, въ костюмѣ, составлявшемъ смѣсь европейскаго и азіятскаго; за нею, по-парно, слѣдовали дамы новаго двора, въ европейскихъ костюмахъ, безъ покрывалъ; за ними бояринъ Шеинъ, первые чины, генералы и офицеры; наконецъ разной формы и разной упряжи экипажи. Громкое «ура» приветствовало Государя; но когда русскія барыни показались безъ покрывалъ, въ невиданныхъ платьяхъ, а еще болѣе, когда увидали боярина Шеина и нѣкоторыхъ другихъ сановниковъ безъ бороды, громкія восклицанія превратились въ глухой и единоустный стонъ. Во многихъ мѣстахъ раздались плачъ и рыданіе. «Ахти, Господи!» всхлипывая, кричала старуха изъ пародной толпы: «какъ нашего бѣднаго боярина окарнали по-нѣмецкому!...»

Государь, проходя мимо солдатскаго кружка, дружески кивнулъ головою, приговаривая: «Съ новымъ годомъ, товарищи!» Царица Евдокія Ѳеодоровна отвернувшись отъ нихъ и плюнула въ противную

сторону, полагая, что повстрѣчалась съ нѣмцами, главными виновниками неудовольствій, возникавшихъ между вѣнценосными супругами, потому что всѣ нововведенія приписывались членами царской фамиліи женскаго пола вліянію гостей заморскихъ. Сестры и тети Государя также прошли отвернувшись. За ними шли по-парно, какъ мы уже сказали, дамы новаго двора. Съ покрываломъ не могла слѣтить такъ скоро съ русскихъ женщинъ и дѣвушекъ укорененная воспитаніемъ застѣнчивость: всѣ до одной проходили въ толпѣ народной, опустивъ глаза и головы; но красные обшлага синихъ мундировъ уже начинали имѣть свое магическое вліяніе, подобно золотому шитью и эполетамъ времени позднѣйшихъ: всѣ до одной изъ-подъ густыхъ рѣсницъ взглянули на кружокъ потѣшныхъ, и были испуганы дерзостью молодежи, которая смотрѣла на нихъ въ оба.

— Всѣхъ знаю! сказалъ солдатъ преображенскій, князь Лука.***

Прочіе посмотрѣли на него съ почтеніемъ, Александръ Ивановичъ съ недоувѣрчивостью. Солдатъ того же полка, Гульминъ, сказалъ съ улыбкой: «Вотъ, я думаю, Александръ Ивановичъ такъ и плясалъ уже со всѣми съ ними».

— Что я за плясунъ такой! отвѣчалъ Александръ Ивановичъ. На то Государь держитъ особую челядь, въ чулки, въ башмаки одѣваетъ; а мы деньщики — народъ сапожный: по угламъ стоимъ, когда пляшутъ. Да и смотрѣть намъ не приходится. Чего добраго! Вотъ, чортъ попуталъ, взглянулъ, и самъ не радъ: важная барыня! Перестану думать: не дай, Господи, еще приснится...

— А которая это, Александръ Ивановичъ, вамъ приглянулася спросилъ Гульминъ.

— Отвяжитесь вы, зубоскалы! Чего добраго, еще разболтаете, насмѣхъ подымутъ; а надъ служебнымъ человѣкомъ до смѣха не до пускай....

— Да мы и такъ знаемъ, которая! — сказалъ князь.

— Да что ты, князь, колдунъ, что-ли?

— Колдунъ ли, вѣтъ, — а знаю. Въ третьей парѣ, съ лѣваго боку: такъ и сгорѣла дѣвка, какъ Александра Ивановича увидала.

— Да говорю вамъ, отвѣжитесь! Что за шутки, право, прости, Господи.... покраснѣвъ, говорилъ деньщикъ.

— Да что худаго? Нынче, дай Богъ здоровья батюшѣ Государю, любиться всякому можно. Не то, что прежде! А Марья Андреевна — кровь съ молокомъ.

— Говорять тебѣ, не та! съ запальчивостью сказалъ Александръ Ивановичъ: та повыше....

— Ростомъ... отвѣчалъ неотвязный князь: да не родомъ. Отъ Марьи Андреевны, слышишь, братъ, отваливай! Такая невѣста и князю въ пору.

— Слышишь, Орловъ? сказалъ Александръ Ивановичъ, обратясь къ молодому, красивому солдату: видно, на мое вышло. Князь-то всѣхъ знаетъ: вотъ, его Марья Андреевна и пришибла. Пойдемъ, Орловъ; что глядѣть даромъ!

— Да ужъ у Марьи Андреевны взяты гладки! говорилъ князь вслѣдъ отходящимъ. Видишь, царскою милостью какъ его чванится. Дай только Богъ въ сержанты, а тамъ и въ женихи... А деньщику въ боярскомъ домѣ честные проводы, да коробъ шутовъ, что орѣховъ. Щелкай на здоровье!

— Куда ты? спросилъ Орловъ, видя, что Александръ Ивановичъ поворачиваетъ къ Кремлю.

— Да хотѣлъ-было въ Успенскій. Статься-можетъ, Государь..

— Или Марья Андреевна, не такъ ли? перебилъ Орловъ. Пойдемъ лучше къ Пятницѣ: тамъ купечество, да наши дворяне служебные, да приказные. И по-вольнѣ обѣдную слушать....

— Пойдемъ! грустно отвѣчалъ Александръ Ивановичъ.

Но у Параскевы Пятницы народъ и на паперти тѣснился. Церковь биткомъ набита; новымъ гостямъ не было мѣста.

— Пойдемъ къ Казанской! сказалъ Орловъ.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Александръ Ивановичъ; и тамъ, чай, полно вездѣ церковъ, только молиться умѣй.

И, снявъ шляпу, онъ сталъ противъ дверей.

IV.

С д ѣ л а.

— Ну, куда теперь? спросилъ Орловъ послѣ отпуска, когда народъ сталъ расходиться.

— Куда? Погулялъ; пора домой—въ Преображенское...

— Что это ты, Александръ! Гляди заслужишься! Новый годъ надо по-русски встрѣтить... Пойдемъ къ Лукинишиѣ, въ харчевню.

— Что это ты, Богъ съ тобой!

— Да вѣдь это дворянская харчевня...

— Да хоть боярская! Всю службу въ одинъ день опозоришь, а дѣло идетъ къ расчету. Нѣтъ, братъ, въ Преображенскомъ Александръ Данилычъ, ради новаго года, щи съ ветчиной и съ уткой приказалъ отварить, да не безъ жаренаго, и не безъ вина. Я думаю, сегодня противъ порціи дадутъ... Да правду молвить, и денегъ ни полухи.

— Неужто?

— А ты думалъ!... И прибавки не дали; все по-прежнему. На семи рубляхъ жалованья вотъ ужъ сколько маячусь...

Въ это время выходили почетные прихожане, между ними и купецъ Петровъ.

— Захарій Ивановичъ! Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! сказалъ Орловъ, протянувъ руку.

— Милости вашей, честной господинъ, всякаго благополучія! отвѣчалъ Петровъ, низко кланяясь.

— Вотъ старой мой товарищъ. Александръ Ивановичъ, Государевъ деньщикъ....

Петровъ чуть въ ноги не повалился и никакъ не рѣшался подать руки такому важному человѣку. «Просимъ миловать и жаловать меня, слугу вашего!» повторялъ онъ, продолжая кланяться.

— Полно, дядя, чиниться! сказалъ Орловъ: мы люди простые, вашихъ уважаемъ и за васъ служимъ на Государевой службѣ. Сдѣлай дружбу, шапку надѣнь: вѣдь даромъ что лѣто, а свѣжо.

— Ужь это я женѣ и дочери говорю, что каковъ ты, батюшка, такъ изъ дворянъ другаго не поставишь! отвѣчалъ Петровъ. А что, господа, уважьте старика: вѣдь вы на Москвѣ, что сироты; чай, роденька далеко, а живете въ царскихъ домахъ словно въ богадѣльнѣ, такъ не побрезгайте новый-то годъ новой капустой, да изъ новаго хлѣба пирогомъ со мною опраздновать, а ради добрыхъ гостей, и къ нѣмцу зашло, испанскихъ винъ закупить; да и у меня на потребу, чай, найдется бутылка, другая, старой мальвазій.

— А что, Александръ? спросилъ Орловъ.

— Отъ хлѣба-соли не бѣгаютъ! отвѣчалъ Александръ Ивановичъ; и всѣ трое пошли на Покровку.

Каменный домъ съ четырьмя деревянными рѣзными столбами, высокий каменный заборъ или просто стѣна, желѣзные ворота, на дворѣ въ кружокъ желѣзныя двери, ясно говорили и о достаткѣ Петра и о предосторожности его сохранить свое богатство во временамутныя, когда стрѣльцы, пошаливая, обращали цѣлыя улицы въ пепельныя пепелища. Хотя у купца Петрова была между стрѣльцами и роденька, а одинъ изъ близкихъ былъ даже въ полковникахъ, но предусмотрительный Петровъ плохо надѣялся на защиту родни, которая свыклась съ ножомъ, виномъ и плахой, и въ два года построилъ свою крѣпостцу. Берегъ онъ въ ней бархаты веницейскіе, сукна алыя, шелки перскіе; берегъ онъ въ ней жемчужину—единородную и дородную Акулину Захарьевну, и этого товара любопытнымъ купцамъ не показывалъ: женишка пріискивалъ въ-тихомолку, лѣтъ будетъ семь, восемь. Кулиночка толстѣла, приближаясь къ третьему десят-

ку, но Захарій Ивановичъ не унывалъ, поглядывая на желѣзныя двери своихъ амбаровъ. Вѣчная молодость! говорилъ онъ каждый вечеръ, обходя съ фонаремъ каменные кельи, особенно одну, гдѣ въ корзинахъ и на полу, счетовъ однакоже, серебро валялось. Десятки ужасныхъ, баснословныхъ псовъ были вѣрными хранителями непошрпаго богатства; даже прислуги не знали: самъ Захарій Ивановичъ кормилъ ихъ, самъ на веревку собиралъ, самъ запираетъ ихъ въ золотой амбаръ, гдѣ безкорыстные псы иногда, отъ скуки, заводили турниры. У Захарія Ивановича обѣдъ былъ уже готовъ: десятки холодныхъ кушаній, на серебрѣ, отягчалъ длинный столъ; скамьи, обитыя алыиъ сукномъ и бронзовыми гвоздиками, были придвинуты; ждали гостей и гости на этотъ разъ, какъ и всегда, не замедлили явиться къ Захарію Ивановичу. Съ особенною гордою ласкою принималъ онъ родственниковъ, и каждому изъ гостей почетныхъ сказалъ приговаривая:—«Люди умные, царскіе совѣтники, не гнушаются сообществомъ честныхъ гостей московскихъ». Вышла хозяйка, старушка лѣтъ шестидесяти, въ богатомъ сарафанѣ, осыпанная камнями и жемчугами. Въ рукахъ ея дрожало поднось съ чарочками изъ чистаго золота. У Александра Ивановича глаза разбѣжались. Начались подчиванья и поздравленья. Александръ Ивановичъ по шестой чарочкѣ прошепелъ, на седьмую не соизвоилъ.

— Кулиночка у насъ сегодня не такъ-то здорова... сказалъ Захарій Ивановичъ, ослабляя про случай поясъ.

— Какъ не здорова? спросила хозяйка: «да ее дѣвки чешутъ!»

— Поди! Отпу лучше вѣдать, здорова или нѣтъ. Пускай въ свѣтелкѣ сидитъ; пусть ее тамъ купаетъ. А пора бы ей косу не заплетать, а расплетать... Просимъ милости вашей, жи простынуть!

Усѣлись. Русскій пиръ—не какой-нибудь заморскій банкетъ. Потъ катился съ собесѣдниковъ, а Захарій Ивановичъ все подчивалъ, да подносилъ, да приговаривалъ: «Въ новыи годъ не поѣшь, дѣлый годъ будешь голодепъ». Когда жаркія отходить стали, Заха-